

Елена КРЮКОВА

ПОЛЕТ СУДЬБЫ

Андрей Шацков. Сказы Куликова поля. СПб., 2022

...Это совершенно потрясающее впечатление, гул звучащего пространства-времени, стереоэффект сакрально звенящих, колокольно гудящих ГОЛОСОВ.

Голоса доносятся к нам издали. Из невозможного, уже непредставимого для нас далека.

Куликово поле — и реальное пространство, и мощный миф, и солнечный архетип, и горячая печать символа-знака, и живая природная хоругвь, воздетая над долами, полями, разнотравьем, над родной историей, над ее нынешними — и грядущими — дымами и битвами.

Говорят люди. И мы их слышим.

Феномен тут таков: даже если говорит автор — мы слышим автора, как русского богатыря, что должен нынче выйти на единоборство с врагом земли Русской.

В малахае упрятав и лоб, и глаза,
Отгоняя докучного слепня камчою,
Нависает над Русью степная гроза.
Полыхает огнем горизонт кумачово...

Елена Крюкова родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Поэт, прозаик, искусствовед. Автор книг стихов и прозы («Юродивая», «Врата смерти», «Рай», «Беллона», «Тибетское Евангелие», «Солдат и Царь», «Побег», «Земля», «Хоспис», «Иерусалим», «Оборотень» и др.). Лауреат премии им. М. И. Цветаевой («Зимний собор», 2010), премии Za-Za Verlag («Танго в Париже», 2012, Германия), Кубка мира по русской поэзии (2012, Латвия), Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» («Старые фотографии», 2014, «Солдат и Царь», 2016, «Вера», 2019), международных литературных премий им. И. А. Гончарова («Беллона», 2015), им. А. И. Куприна («Семья», 2016), им. Э. Хемингуэя («Беллона», 2017, Канада), Южно-Уральской премии («Старые фотографии», 2017), им. С. Т. Аксакова («Хоспис», 2019), ДИАС («Евразия», 2019), им. Ф. И. Тютчева («Созвездие Лебеда», 2020), им. Н. Н. Благова («Вера», 2021) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, Украина, Беларусь, США, Канада). Создатель арт-проекта «Театр Елены Крюковой».

Но все ближе гремит путевой бубенец.
Весь в пыли и дорожной невысохшей грязи,
С волчьих бродов несется усталый гонец,
Упредить о нашествии Дмитрия-князя.

Этот август тебе, как и осень, к лицу.
Это чувство тревоги до боли знакомо.
Слышишь, звезды стучат,
        словно дождь по крыльцу?
Видишь, тропы уводят до Дона от дома! <...>

Дон — дом... слышите, звенит колокол?
Звон далеко разносится над полями, уходит в высокое, бесконечное небо.
Небо своєю прозрачностью и безбрежностью обласкивает невыносимую, обильно политую кровью плотность, невероятную тяжесть родимой земли; таковы тяжелые судьбоносные слова книги, за которую заплачено целою жизнью.

«...Звезды стучат, / словно дождь по крыльцу...» — этот космопад, этот светопад разве не есть небесный водопад ушедших в запределье душ живых — ушедших с земли на небеса вот здесь, на вечном нашем поле Куликовом?

Метафора зримая тут суть метафора слышимая. Метафора слышимая — волна особой силы: ее прибой несет с собою память, ту прапамять, которой мы внутри обыденности, обычности жизни перестаем жить и дышать, но она в нас, в крови, это ток крови, это и есть измерение Времени — самим собой. История становится тобой. Для такой репагулы, такого невозможного перехода нужен всего миг, время одного вдоха. Это не сказочное превращение; это — ВОЗВРАЩЕНИЕ.

На Родину. В ее веру. В ее торжество. В ее страдание. В ее праздник.

К ней — навсегда.

Название книги — тоже волна, тройная волна времен. Вслушайтесь: СКАЗЫ... КУЛИКОВА... ПОЛЯ... Сказы — это живая речь. Она звучит — и тут же оформляется в былинку, в легенду, в писание, в предание. Предание — трансформация бывшего в реальности, преображение реальности — в миф; этот момент преображения сакрален, свят, и здесь, глубоко и высоко, несказуемо, подземно, подводно и надзвездно, кроются параллели с Господним Преображением. Вещий сон о Богородице, изображенный Андреем Шацковым в начале книги, говорит о многом. Богородицын плат, Богородицын омофор, Покров становится лейтмотивом книги, воинской хоругвью, преображается во святое знамя, что парит — в солнечных небесах — над русским войском.

«В тот уже необыкновенно далекий сентябрьский день Богоматерь как бы благословила мои, еще не родившиеся, стихи...»

Черные воины генуэзской пехоты приходили к поэту-ребенку во сне и поднимали его на копьё. Сон, зеркало, видение — неотъемлемые составляющие поэтического воображения и творческого бытия. Художник чувствует историю как собственный сон, как собственную явь. Он есть живое зеркало, историю объемно отражающее; и в глубине этих зеркальных светоносных слоев ходят тучи, сшибаются лучи, сверкают мечи и воздымаются копьё. Поэт становится родной историей, и теперь их невозможно разделить, расслоить, различить. Величайшие исторические повороты, ключевые события Времени мы наблюдаем через призму мира поэта.

Жизнь и смерть — двойной архетип, образный дуал, являющийся основным, часто тотально звучащим мотивом в целом ряде произведений, которыми может по праву гордиться мировая культура. Жизнь-смерть — этот архетипический диптих главенствует над всею иной литературной тематикой; он ярким светом сияет в изобразительном искусстве и музыке, в шедеврах архитектуры и народного искусства.

Дуал жизнь-смерть пропитывает собою, как вино — хлеб Причастия, всю ткань книги Андрея Шацкого.

Битва — архетип смерти, ее торжество, ее царство, ее великое жертвоприношение, чудовищная гекатомба. Во имя чего гибнут люди на поле битвы? Почему война — это всегда схватка на необозримом пространстве, на ПОЛЕ, которое есть апология шири земной и воли небесной? Воля, простор, размах, свобода, то, что нельзя обнять взглядом, а можно обнять лишь сердцем, — вот она, символика Родины, за которую здесь и сейчас я жизнь отдам!..

Вдоль речки дымится порез
Несомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской бескрайней равнине.

В галопе крещенской пурги,
Под платом рождественской ночи
Таятся в чащобах враги,
Мерцают разбойные очи.

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия — вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая. <...>

Продолжатель, да, продолжатель, наследник музыки Александра Блока! Но с личною, глубоко таящейся трагедией. Сын, крещеный Димитрий... Где он ныне? В каком заоблачном плёсе? В каких мирах? Там ли, где медленно, призрачно, среди всесветно пылающих кучевых облаков движется конница Александра Пересвета, виден высоко вздетый меч Андрея Осляби, в миру Родиона?

Сам поэт — живая золотая игла, что золотную нитью сшивает разорванные русские времена.

Эта тяга к единству, к цельности, к совокупности... Это молитва Богу Единому.

И рядом, возле, близко — как дуновение теплого ветра от летящей в синеве птицы — опять Богородица...

Но Богородица простерла
Незримый оку омофор.
И... черной птицей мимо горла
Стрела промчалась на простор!

Совершенно иконописный жест. «...Простерла / Незримый оку омофор...» — ведь это священный жест-символ — на все беспредельное небо, надо всем Русскимъ Мiромъ! И под этим Богородичным Покровом — свист стрелы... черной птицы, вражьей силы...

Архетипична схватка, сама символика сражения, великое противостояние: русское воинство — и степные воины. Войско против войска. Таков закон войны. Такова назначенная от века в патриархальном обществе композиция борьбы: она происходит не на жизнь, а на смерть, ибо за тобою — твоя родимая земля. И ты не можешь ее предать, ей изменить.

И вот тут происходит главное чудо книги.

Соединение времен: ТОГО, канувшего в вечность времени, — и НАШЕГО, близкого-кровного, в котором живем все мы. Мы с вами.

Это происходит при обращении поэта к сыну.

Поэт воспроизводит собственную речь, речь отца, и она настолько же символична, насколько и звучаща; он говорит здесь и сейчас; такое говорится сердцем; такое родной человек сердцем же и слышит — так ведут разговор отец и сын, ведут безмолвно, и отец разговаривает с умершим сыном, как с живым...

У Бога ВСЕ живы.

И поэт утверждает, как нечто незыблемое, неотчуждаемое от русской души, не подлежащую сомнению героическую повторяемость времен, героическое эхо событий, пламенную и памятную, окрашенную заревым, рассветным пафосом гибель за правду. Правда — свята. Это непреложно. Стих превращается в скорбную литию, в музыку высокого, поднебесного полета. Воины ли это, павшие на Куликовом поле века назад? Или это новые герои, отдавшие свои жизни за Россию, за Русскую землю, что, по «Слову о полку Игореве», *«уже за шеломянемъ еси»?*..

Да... это они... мы видим, слышим их... идет новая русская рать...

<...> Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом,
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.

И дланью обнял рукоять,
Расслышав отцовское слово:
«Рожденным в России — опять
Средь поля стоять Куликова!

И падать от стрел и от смут
За ПРАВДУ, средь бранного дыма...
А павшие — утром придут,
Ведь мертвые сраму не ймут!

Лишь просят включить в литию
Забытого война имя.
И места все меньше в строю
Осталось
меж нами и ними!»

Сама стилистика книги — счастливое сочетание, сплетение широкой и раздольной русской песенности, классического твердого, медно-кимвального, строго-воинского стиха, трепещущих, нежно-бережных молитвенных интонаций, открытого, храброго чувства и тайнозримого, недекларируемого сакрала, священности, граничащей с церковным Таинством, без которой не осилить, не поднять историю, ставшую личным воспоминанием, и воспоминание, ставшее собственным будущим.

Прошлое — настоящее — будущее.

Память — любовь — смелость.

Такова временная и нравственная триада Андрея Шацкого в «Сказах Куликова поля».

Так смыкаются времена, образуя над нашими головами купол нового, незримого храма, куда можно всякий раз прийти душою — и помолиться: за наших воинов, за наших ушедших, за наших павших на поле брани, за тех, кому только назначено родиться. Явиться в этот мир. На эту землю. И она, великая Мать, станет их защитницей, примет их на руки, к сердцу прижмет. А выросши, они — защитят — ее.

И навстречу врагу,
Под хоругвь «Ярого ока»,
В Богородичный день,
Богородской любимой травой,
Вылетают
засадные вершники князя Боброка,
Созываемы в битву
Архангела звонкой трубой!

И усеется поле
Коростою ратного спора —
Куликово, заветное,
В поросли из чабреца.
Расточится туман,
И заря,
словно плат омофора,
Ниспадет на траву —
И не будет России конца!

Разойдется туман... в этот великий сентябрьский день, в Рождество Богородицы...
Зашумит на ветру яркий, золотой и багряный, киноварный по осени подлесок...
Вся природа — наш храм. Вся Русь Великая — наш храм.
И туда можно, да, зайти и помолиться.
Как и книгу Андрея Шацкого открыть — и замереть, мороз по коже, над разящими
и огненными, грозными и полными любви и памяти строками.

Прерывается род. ... Угасает закат.
На окраинах подняли воды цунами.
Слышишь, кто-то трубит — меднолик
и крылат:
Это наша судьба пролетает над нами.